

ствительностью и искусством. Краски этой картины были любимыми красками его палитры – теплыми желтыми и красноватым тонами. Сожаление вызывало лишь одно – после пробуждения картина казалась уже излишне красивой, слишком розовой и слишком гармоничной, чуть-чуть слащавой и даже чуть-чуть пошловатой. Но в этом, по мнению Гессе и заключалась тайна сновидения, его загадка [3, с.222-223].

Игра со сновидениями доставляла Гессе определенное удовольствие. В течение десятков лет он продолжал развивать выработанное им умение вспоминать и мысленно воспроизводить приснившиеся ему сны, записывать их и по изученным методам психоанализа доискиваться до их скрытого значения, прослеживать связь между сознательным и бессознательным. Со временем, по признанию Гессе, хотя «способность отзываться на сны, а порой следовать их мягкому наставлению» никогда полностью не покидала его, жизнь снов «никогда больше не приобретала той настоятельности, насыщенности, какую она когда-то бывало, имела» [3, с.317].

Как и романтизм, психоанализ был лишь одним из увлечений Гессе, но оставил неизгладимый след в его душе и творчестве, став символом и знаковым обозначением его второго периода творчества. Знакомая с произведениями этого периода, читая биографические очерки о Гессе и его собственные свидетельства, мы видим, что учение Зигмунда Фрейда о психоанализе оказало большое влияние как на его образ жизни, так и на его творчество. Благодаря знакомству с психоанализом и терапевтическим сеансам у доктора Ланга Гессе удалось преодолеть ряд душевных кризисов, найти новые силы для дальнейшего творчества. Занятие живописью, начавшееся с зарисовок сновидений, превратилось в источник радости и отдохновения, а проза по стилю и по материалу стала в высшей степени оригинальной и современной. Психоанализ не привил Гессе новых взглядов на жизнь, но помог в более упорядоченном самопознании, помог выработать определенный способ мышления, отразившийся в его литературных произведениях.

Источники и литература

1. Гессе Г. По следам сна / Собрание сочинений. В 8 т. Т 7: Пер. с нем. – М.: Ао Изд.группа «Прогресс» - «Литера»; Харьков: Фолио, 1995. – С.7–18.
2. Гессе Г. Подарок во сне / Собрание сочинений. В 8 т. Т 7: Пер. с нем. – М.: Ао Изд.группа «Прогресс» - «Литера»; Харьков: Фолио, 1995. – С.219–223.
3. Гессе Г. Ночные игры / Собрание сочинений. В 8 т. Т 7: Пер. с нем. – М.: Ао Изд.группа «Прогресс» - «Литера»; Харьков: Фолио, 1995. – С.316–321.
4. Гессе Г. Художник и психоанализ / Собрание сочинений. В 8 т. Т 8: Пер. с нем. – М.: Ао Изд.группа «Прогресс» - «Литера»; Харьков: Фолио, 1995. – С.62–67.
5. Гессе Г. Клигзор: Романы, повесть и новеллы / Пер.с нем. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2000. – 480 с.
6. Фрейд Зигмунд. Введение в психоанализ: лекции. – М.: Наука, 1991. – 456 с.
7. Целлер Бернхард. Герман Гессе сам свидетельствующий о себе и своей жизни. / Пер.с нем. – Урал ЛТД, 1998. – 310 с.
8. Hesse Hermann. Freud./ Gesammelte Werke. Zwölfter Band, Schriften zur Literatur 2, Suhrkamp Taschentuch Frankfurt am Main, 1987 – S.365–368.
9. Hermann Hesse. G.G.Jung, Wirklichkeit der Seele. // Gesammelte Werke. Zwölfter Band, Schriften zur Literatur 2, Suhrkamp Taschentuch Frankfurt am Main, 1987 – S.430–432
10. Hermann Hesse. Die Gedichte. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 2002. – 848 S.
11. Freud Sigmund. Der Dichter und das Phantasieren //Methoden der Literaturanalyse im 20.Jahrhundert. Frankfurt a.Main; Berlin. München, Verlag Moritz Diesterweg, 1974. – S.8–14
12. Limberg Michael. Der Schatten meines Vaters als Verfolger. Hermann Hesse und sein Vater. <<http://www.gss.ucsb.edu/projects/hesse/papers/limberg.html>> 12.12.02.
13. Limberg Renate. Therapeutische Aspekte in der Malerei Hermann Hesses. <http://www.gss.ucsb.edu/projects/hesse/papers/limberg-r.html>> 12.12.02.
14. Mileck Joseph. Hermann Hesse. Dichter, Sucher, Bekenner. Biographie. Suhrkamp Taschentuch Verlag. Frankfurt a. Main, 1987. – S.441.

Орехов В.В.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОССИКИ КАК «ОТВЕТНАЯ РЕЦЕПЦИЯ»

В отечественной компаративистике последних лет актуализировалось внимание к проблеме межнационального взаимовосприятия. Обычно исследования подобного рода посвящаются литературному бытованию имиджей различных стран и народов. Наиболее известны в этой области работы М.П.Алексеева, Б.Г.Реизова, М.Кадо, Д.С.Наливайко и др. Однако представляется целесообразным предложить еще одно направление исследований: проанализировать степень влияния национальных литературных имиджей на развитие межлитературных отношений.

Многие народы проявляют интерес к собственному отражению в инонациональных литературах. В этом случае *своя* национальная литература становится главным инструментом осмысления иностранных мнений и, более того, позволяет создать общенациональный «ответ» на эти мнения. Формирование литературного «ответа» на иноземную рецепцию мы предлагаем именовать «ответной рецепцией». «Ответная рецепция» выражается в разных формах, но сосредоточим внимание на тех случаях, когда зарубежные тексты имагологического характера непосредственно вводятся в новый культурный контекст. **Материалом** настоящей статьи являются суждения российских литераторов, историков и публицистов первой половины XIX в. о текстах зарубежной россики, переведенных и опубликованных в России. **Цель** работы – изучение природы и особенностей формирования «ответной рецепции» в процессе адаптации россики. В связи с этим необходимо решить следующие **задачи**: выявить тексты россики, опубликованные в исторических и периодических изданиях России; установить особенности комментирования и толкования тек-

стов россики; выявить причины, обусловившие эти особенности.

В России XVIII в. заметен интерес к иностранным источникам о российской истории. Кордт отмечает, что еще в конце XVII в. был осуществлен перевод сочинения о Московии А.Олеария. В 1739 г. при Российской академии наук француз Малярд переводил английские путешествия в Московию. В 1748 г. К.Кондратович перевел записки о Московии Герберштейна [12, с. 3]. Среди первых опубликованных переводов следует назвать четырехтомные «Известия византийских историков, объясняющие российскую историю...» (1770–1775), подготовленные И.Штриттером по поручению Императорской академии наук.

В начале XIX ст. появилось несколько отдельных собраний иностранных текстов о России в переводе на русский язык [26; 22; 24]. Обратим внимание на черту, характерную для адаптации подобных источников: отечественный комментатор стремится отреагировать на суждения иностранцев, способные оскорбить или поощрить национальные чувства русских, оценочная сторона описаний. Это стремление к защите российского имиджа от нападков в зарубежных источниках появляется именно в начале XIX в. Когда упомянутый уже Штриттер переводит византийские повествования о жестокости россов, напавших в 941 г. на Царьград [25, ч. III, с. 24], он оставляет их без комментария. Вряд ли подобные эпизоды обошлись без примечаний переводчика, будь книга Штриттера опубликована полувеком позже.

Для подтверждения этой мысли обратимся к собранию «Сказания современников о Дмитрие Самозванце», подготовленному Н.Устряловым в собственном переводе с немецкого, французского и польского языков. Адъюнкт Императорской академии наук (позднее ординарный академик) Н.Устрялов оснащает тексты добросовестным комментарием. Однако среди научных, выверенных примечаний встречаются такие, которые имеют откровенно субъективный характер. Продемонстрируем наше наблюдение:

1). Маскевич заявляет, что русские «ни в чем не держат своего слова» [24, ч. V, с. 124]. Очевидно, что опровергнуть это суждение с позиции исторической науки весьма проблематично. Но Устрялов не желает обойти вниманием суждение иностранца и пишет в примечании: «Сам же автор неоднократно приводил примеры чести и благородства русских» [24, ч. V, с. 234]. Такое примечание не несет никакой дополнительной информации, поскольку Устрялов ссылается на текст самого Маскевича, и без того доступный читателю. Все же историк акцентирует внимание на отдельных эпизодах, провоцируя соответствующие выводы читателя.

2). Мартин Бер рассказывает о предательстве ливонца Ганса Берга [24, ч. I, с. 134]. Этот эпизод вовсе не имеет ничего обидного для москвитов, однако Устрялов, по-видимому, без всякой связи с эпизодом и явно под впечатлением предыдущего текста комментирует: «Бер без пощады бранит русских; но у нас не было изменников, подобных Ганс-Бергу» [24, ч. I, с. 276].

3). Польские послы уверяют, что русская чернь верила в чудесные свойства останков царевича Демитрия. Москвиты при этом выдавали за тело царевича труп специально убитого подростка [24, ч. IV, с. 207]. Не имея документальных опровержений для такой легенды, Устрялов попросту пишет: «Нелепый вздор!» [24, ч. IV, с. 231]. Как видим, Н.Устрялов в данных случаях не находит научной аргументации. Его ремарки экспрессивны и субъективны. Что же заставило историка-профессионала допустить «ненаучные» вольности? Оставим пока этот вопрос и обратимся к публицистике.

Российские журналы первой половины XIX в. пестрели анонсами переведенных сочинений о России. В 1836 г. «Библиотека для чтения» объявила о публикации перевода «Писем леди Рондо, супруги английского министра при российском дворе...» и сопроводила объявление уничтожающей рецензией. «Ежели кто думает найти здесь что-нибудь особенно любопытного о русском дворе того времени, тот весьма ошибается, – сообщил обозреватель, – леди Рондо более занималась описанием разных господ Л., Б., Т., которые ей нравились и которые за нею волочились, чем другими предметами. Ее, как иностранку, более всего изумляли наши катанья с гор и наши качели» [19, с. 10].

В 1837 г. «Журнал Министерства народного просвещения» (ЖМНП) поместил рецензию на перевод книги Арриана «Перикл Понта Евксинского», где содержались «ценные сведения о Черном море». В рецензии поощрительно отмечались примечания, «необходимые в подобном сочинении» и составленные Н.Н.Мурзакевичем [11, с. 438]. В том же номере журнал сообщил, что к изданию готовятся переведенные с французского «Путевые заметки от Москвы до С.-Петербурга» «одного англичанина», побывавшего в России в царствование Екатерины II. Журнал прибавлял, что заметки эти «заклучают в себе весьма любопытные сведения, относящиеся к России XVIII столетия» [23, с. 9]. В 1839 г. журнал повторил анонс [15, с. 35].

В конце 1839 – в 1840 г. «Библиотека для чтения» познакомила публику с выходящим тогда в Париже «Путешествием по Кавказу и <...> в Крым» Ф. Дюбуа де Монпере, «путешественника внимательного и совестливого» [20, т. 35, с. 93], и посвятила этому серию статей, содержащих фрагментарные переводы «Путешествия...» [20]. Одновременно и ЖМНП анонсировал эти статьи [18, с. 99, 118; 17, с. 94; 16, с. 185], что, впрочем, объяснимо: автором статей о Дюбуа де Монпере был автор обозрений ЖМНП.

В ноябре 1839 г. ЖМНП объявил, что в Париже вышли на французском языке «Путешествия... по России» ди Плано Карпини. Журнал отмечает ценность французского издания и сообщает любопытную информацию: «Любители отечественной истории были порадованы года три или четыре тому назад объявлением книгопродавца Каллистратова об издании «Библиотеки иностранных писателей о России», в которой предполагалось помещать самые тексты и вместе с тем переводы. Это прекрасное предприятие, к сожалению, не состоялось; вышла только первая часть «Библиотеки», в которой помещен перевод путешествия ди Плано-Карпини» [20, с. 123–124]. Автор обзора путает детали. В 1836 г. Каллистратов действительно издал первый том «Библиотеки иностранных писателей о России», составленный надворным советником В.Семеновым. И на этом томе издание, в самом деле, надолго прервалось (до 1847 г., когда во II т. «Библиотеки...» были опубликованы «Московские записки» С.Герберштейна [2]), хотя Семенов и получил за него половинную Демидовскую премию [4, с. 255]. Но сочинения Карпини в этом томе не было. Текст Карпини (латынью и в русском переводе) был опубликован в сборнике «Путешествия к татарам»,

подготовленном ДСС Д.И.Языковым. По словам Ф.Аделунга [1, ч. I, с. 43], Языков предполагал издать таким образом тексты 11 иностранных авторов, но опубликовал лишь первый том серии (в 1825 г.), куда вошли сочинения ПIANO Карпини и Асцелина. Поэтому ясно, что корреспондент ЖМНП попросту спутал два аналогичных издания.

Кроме подобных отрывочных сообщений, российские журналы активно предлагали читателю иностранные тексты о России, и эти тексты порою образовывали одно из самостоятельных тематических направлений журнала. Так, Ф.Булгарин, организовав в 1822 г. издание «Северного архива», неоднократно помещал в нем зарубежные описания России, а в программе журнала на 1823 г. особо обещал читателям помещать «переводы из иностранных писателей о России» [3, с. 78].

В журнальных публикациях источников о России фактографические и библиографические комментарии приобретали, как правило, публицистическую заостренность. Характерно, что Пушкин, работая над Историей Петра I, предпринял в 1835 г. перевод одного из иностранных источников – «Мемуаров...» французского офицера на российской службе Моро-де-Бразе о турецкой кампании 1711 г. Текст перевода готовился для «Современника». Подобная публикация неизбежно должна была вызывать два серьезных затруднения. Во-первых, некоторые оценки, высказанные о России французским автором, явно противоречили цензурным соображениям. А официальная позиция по отношению к иностранным публикациям о России, всегда настороженная, после шквала зарубежной критики, связанной с подавлением польского восстания, еще усугубилась. Во-вторых, потому, что высказывания Моро-де-Бразе подчас противоречили историческим и политическим представлениям самого Пушкина. Однако, для Пушкина была очевидна и историческая ценность источника, его востребованность публикой.

Чтобы снять противоречия, Пушкин снабдил текст предисловием и примечаниями, где постарался дать направление читательской интерпретации текста. В предисловии Пушкин предупреждает читателя: «Моро не любит русских и не доволен Петром; тем замечательнее свидетельства, которые вырываются у него поневоле. <...> Как живо описан Петр <...>! Мы не хотели скрыть или ослабить и порицания, и вольные суждения нашего автора, будучи уверены, что таковые показания не могут вредить ни славе Петра Великого, ни чести русского народа. Предлагаем «Записки бригадира Моро», как важный исторический документ, который не должно смешивать с нелепыми повествованиями иностранцев о нашем отечестве» [21, с. 253].

«Порицания» и «вольные суждения» француза Пушкин иллюстрирует двумя эпизодами: 1) Моро осуждает Петра за его недоверие к иностранным генералам; 2) Моро не может оценить храбрость русских солдат, смешивая ее с жестокостью. В первом случае Пушкин объясняет суждение француза «простодушной досадой», во втором – «забавной ветреностью». Но в примечаниях снова комментирует эти эпизоды. В первом случае Пушкин констатирует: «Как заметно, что здесь говорит иностранец, приверженный к своей партии» [21, с. 259]. А чтобы был ясен комментарий ко второму эпизоду, обратимся к тексту. Моро рассказывает, как тридцать венгерских всадников кинувшись на татарскую конницу, погибли на глазах у русской армии, и заявляет: «Даже наши конные гренадеры, хоть и русские, то есть хоть и не очень жалостливые сердца, однако ж просились на коней, чтобы их выручить, но генерал Янус не хотел взять на себя ответственность и завязать дело с неприятелем». На это Пушкин замечает: «Кажется, русские варвары в этом случае оказались более жалостливыми, нежели иностранцы, ими предводительствовавшие» [21, с. 268]. Кроме того, Пушкин оспаривает мнение Моро о пьянстве как о русской национальной черте [21, с. 263]. Впрочем, некоторые, стереотипные выражения француза о России Пушкин проигнорировал, видимо, считая, что они без комментариев вызывают иммунитет публики, как то: «варварские люди» «северной страны» [21, с. 251] или «русский народ <...> ленив и не любит военных трудов» [21, с. 254].

Пушкин обнаруживает также в повествовании Моро неверное описание подробностей европейской политики и в противовес цитирует в примечаниях «Историю Карла XII», апеллируя к мнению Вольтера [21, с. 254]. Однако Пушкин не слишком углубляется в спор по поводу деталей; он лишь отмечает на определенном этапе: «Отселе рассказ Моро становится достоверным» [21, с. 256]. Очевидно, что пушкинскую критику вызвали прежде всего те суждения француза, которые способны оскорбить национальную гордость русских. Думается, не стоит усматривать в этом стремление «подверстать» текст под запросы цензуры. Полемика с мнением Запада о России и русских стала одной из неотъемлемых черт русской литературы и публицистики XIX в. И «Записки бригадира Моро-де-Бразе» были не первым случаем, когда Пушкин принял в этой полемике активное участие. Впрочем, кажется, последним случаем: «Записки...» появились в «Современнике» уже после гибели Пушкина.

Однако полемичность в комментариях к «иностранным сказаниям» не всегда удерживалась в рамках вежливости. Зачастую отечественные комментаторы воспринимали «клеветы на Россию» весьма воинственно и в выражениях не стеснялись. Восстановим такую ситуацию. В 1841 г. Н.Греч возобновил издание журнала «Русский вестник», намереваясь составить конкуренцию «Отечественным запискам». Поскольку в «Отечественных записках» часто публиковались иностранные тексты о России, Греч создает и у себя целую рубрику «Известия иностранцев о России», функционировавшую до конца года. В 1842 г. такие тексты уже не публиковались под отдельной рубрикой, но помещались в отделении «Науки и искусства». Переводы не всегда комментировались, но вот в № 7 и 9 «Русского вестника» за 1841 г. анонимный переводчик помещает записки англичанина Самуила Коллинса, жившего в России в эпоху царя Алексея Михайловича, и снабжает текст примечаниями, о характере которых можно судить по следующим выпискам.

Англичанин уверяет, что в России «если кто из протестантов или католиков отрекается от своей веры, то он должен также отречься от своего первого крещения, проклясть своего отца и свою мать и плевать на них три раза через свое плечо». Переводчик запальчиво возражает: «Бесстыдная ложь!»

«Старики замечали мне, – неосторожно заявляет иностранный автор на той же странице, – что из двухсот англичан, шотландцев и голландцев, отрекшихся от своей веры, почти ни один не умер естественной смертью». Переводчик не смог обойти эту фразу равнодушно. «Но должен ли благоразумный наблюдатель, – делится он с читателем своим возмущением, – повторять всякую слышанную им нелепость?»

[14, с. 164].

Английский автор утверждает, что, по обычаю, в России покойнику «в руку дают удостоверение местного митрополита для донесения Св. Николаю Чудотворцу о доброй жизни и хороших нравах покойника». Переводчик снова не выдерживает: «Можно ли налгать таких глупых вздоров и не стыдиться печатать их?» [14, с. 171].

Таких полемических пассажей в тексте много. Но чтобы оставить за собой последнее слово, рассерженный переводчик пишет послесловие, где уничтожающе замечает об англичанине: «Читатели видели сами всю бестолковую и безобразную смесь известий его. <...> Какие лжи и клеветы на Россию и на русских, какое невежество в описании обитателей России и ее произведений, какое бесстыдство в рассказе небылиц <...>» [14, с. 595].

К сожалению, переводчик не указывает своего имени. Но рискнем предположить, что это был почти забытый ныне публицист А.А.Гаряйнов. Какие у нас для этого основания? Во-первых, Горяйнов был частым автором «Северной пчелы» Ф.Булгарина, что как бы автоматически делало его желанным автором и в новом журнале Греча. Во-вторых, Горяйнов очень часто писал об отношениях Европы и России. И, в-третьих, самое главное, что только Горяйнову, кажется, был свойственен такой необузданный азарт в спорах с иностранными писателями.

«Человек 1812 года» (как он сам себя характеризовал), Горяйнов, кажется, начиная с эпохи взятия Парижа интересовался отзывами иностранцев о России. В 1825 г. он опубликовал «Воззвание парижан к нашему царю. 1815» [5]. В эпоху Крымской войны Горяйнов был идеальным автором военных передовиц: в них был и искренний запал, и обостренное чувство патриотизма, и оперативность. Он писал тогда в «Северную пчелу» статьи почти о каждом крупном военном событии и почти сразу переиздавал эти статьи в виде отдельных брошюр [см.: 6-8 и др.]. Военная ситуация оправдывала несдержанность в выражениях, декларативность, обилие лозунгов, приверженность официальной позиции, но в мирное время это начинало возбуждать раздражение критики.

В 1858 г. Горяйнов издал брошюру «Что такое г. Тьер и нашествие его на Россию» [9]. Опровергая мнения французского историка, Горяйнов дошел до такого неистовства, что навлек на себя весьма ироничский отзыв «Современника». Критик «Современника», явно находя манеру А.Гаряйнова анекдотичной, делает подборку особенно поразивших его полемических фигур Горяйнова, нацеленных на Тьера: «лжец и хвастун»; «всегда дерзкий и ветреный историк»; «как не пустить крови сочинителю таких нелепостей!» [13].

Для сравнения приведем перечень наиболее ярких аргументов комментатора анализируемой нами статьи о Самуиле Коллинсе из «Русского вестника» за 1841 г.: «Нелепая клевета!» [14, с. 172]; «Надобно ли опровергать лжи, здесь сказанные?» [14, с. 173] «Опять нелепость» [14, с. 181]; «Извините – небылица!» [14, с. 570] «Сушая гиль!» [14, с. 575] «Невежество, едва постижимое!» [14, с. 575] «Надобно ли опровергать подобную бредню?» [14, с. 580] Не правда ли, стиль спора весьма узнаваем?

Однако не хотелось бы, чтобы невоздержанность г-на Горяйнова дала повод относиться к спору с иностранными мнениями о России как к проявлению исключительно ура-патриотизма или публицистической бестактности. Пример Горяйнова характеризует, скорее, исключение, нежели правило, поскольку оценка «иностранных сказаний о России» чаще становилась предметом серьезного осмысления действительно профессиональных историков и литераторов.

В качестве показательной иллюстрации обратимся к статье авторитетного историка К.Кавелина в «Современнике» (1847). Критик разбирает очередной том «Чтений Императорского общества истории и древностей российских» и обращает внимание на перевод известных записок секретаря французского посольства при польском дворе Шевалье. Кавелин отмечает, что «сочинение Шевалье <...> интересно во многих отношениях» [10, с. 6], и с полным доверием начинает пересказ записок Шевалье о двух войнах между казаками и Польшей. Особенное восхищение критика вызывает эпизод, когда Хмельницкий, выиграв первую войну с поляками, диктовал польской короне свои условия, однако, подчиняясь формальностям, предстал перед королем и «со слезами» просил у него прощения и обещал отслужить грехи. «Вот черта – чисто славянская!» – восклицает Кавелин.

Но вот Шевалье описывает, как Хмельницкий, потерпев поражение от поляков, предстал перед Хетманом Потоцким теперь уже в роли побежденного и просил у него прощения «с унижением и со слезами, которые он приобык проливать, когда нужда и обстоятельства того требовали». Намек на неискренность Хмельницкого задел критика за живое. И вот его суждение: «Так говорит Шевалье, но он не прав и судит, как иностранец. Мы убеждены, что Хмельницкий и в том и в другом случае плакал искренно. Таковы мы: мы хитры и наивны, добродушны и в высокой степени восприимчивы. Лежит ли это в нашей натуре или в нашем историческом возрасте – пока трудно решить, но дело в том, что мы до сих пор еще мало изменились» [10, с. 7].

Кажется, что критик совершенно произвольно судит, соглашаться ему или спорить с иностранным свидетелем – ведь речь идет о вещах абсолютно недоказуемых. Но если воспринимать позицию Кавелина в контексте аналогичных высказываний Устрялова, Пушкина других авторов, то приходим к **выводу**, что эта *произвольность* суждения оказывается лишь видимостью. На самом же деле русские историки, критики, литераторы XIX в. стремятся противопоставить «взгляду со стороны» не только научное суждение о частных фактах, а свое собственное, национальное, всеобъемлющее представление о российской истории. В ту эпоху это «национальное представление о российской истории» находилось на стадии быстрого формирования и самого живого научного, литературного, публицистического, общественного и государственного обсуждения.

Спор с иностранными оппонентами, превращаясь из обсуждения справедливости частных фактов в столкновение двух моделей российской истории: отечественной и иностранной, – поднимался на уровень общекультурной задачи. И именно этим, на наш взгляд, объясняется то, что в научные исторические изы-

скання включалась доля публіцистического суб'єктивізму, а публіцистика і література починали проявлять найбільш пристальний інтерес до зарубіжним історическим джерелам про Росію. І наука, і література, і журналістика об'єднували свої зусилля для створення *національної філософії російської історії*.

Істочники і література

1. Аделунг Ф.П. Критико-літературне обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. В 2-х ч. – М., 1864.
2. Библиотека иностранных писателей о России. – Отд. I. – Т. II. – СПб., 1847.
3. Булгарин Ф.В. Объявление // Северный архив. – 1822. – Ч.4. – № 19. – С. 77-84.
4. Выписка из протоколов заседаний Императорской Академии наук // ЖМНП. – 1837. – Т. 14. – № 5 (май). – Отд. III. – С. 240-258.
5. Горяйнов А.А. Воззвание парижан к нашему царю. 1815. // Калужские вечера, или Отрывки сочинений и переводов в стихах и прозе военных литераторов. Собранные А.Писаревым. Ч. I. – М., 1825. – С. 131.
6. Горяйнов А.А. Восточный вопрос. – СПб., 1854.
7. Горяйнов А.А. Две современности. – СПб., 1855.
8. Горяйнов А.А. Современное представление. – СПб., 1854.
9. Горяйнов А.А. Что такое г. Тиер и нашествие его на Россию. – СПб., 1858.
10. Кавелин К. (подп. К.К-н) Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. №5. Москва. 1847 // Современник. – 1847. – Т. II. – Отд. III. – С. 1-38.
11. Кирьяков М. *Арриана* Перикл Понта Евксинского. Перевел Андрей Фабр. Одесса, в городской типографии, 1836. // ЖМНП. – 1837. – Т. 13. – № 2. – С. 430-439.
12. Кордт В. Чужоземні подорожні по Східній Європі до 1700 р. – К., 1926.
13. Новые книги. Апрель 1858 // Современник. – 1858. – Т. LXIX. – № 5. – С. 32 – 67.
14. Нынешнее состояние России, описанное англичанином, который девять лет прожил при дворе великого царя русского // Русский вестник. – 1841. – Т. 3. – № 7. – С. 161-182; – № 9. – С. 567-596.
15. Обзорение книг, вышедших в России в 1837 г. // ЖМНП. – 1839. – № 7 (июль). – С. 1 – 35.
16. Обзорение русских газет и журналов // ЖМНП. – 1840. – № 8 (авг.). – Отд. VI. – С. 185 – 186.
17. Обзорение русских газет и журналов за первое трехмесячье 1840 года // ЖМНП. – 1840. – № 6 (июнь). – Отд. VI. – С. 94 – 107.
18. Обзорение русских журналов // ЖМНП. – 1839. – № 11 (ноябрь). – Отд. VI. – С. 90 – 124.
19. Письма леди Рондо, супруги английского министра при российском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны. Перевел с англ. М.К. СПб, в тип. III Отд. с.е.и.в.к., 1835 // Библиотека для чтения. – 1836. – Т. 15. – Отд. VI. – С. 9 – 11.
20. Путешествия по южным областям России. Дюбуа де Монпере. Демидова. (б.п.) // Библиотека для чтения. – 1839. – Т. 35. – С. 93 – 126; 1840. – № 2. – С. 85 – 118; – № 3. – С. 1 – 76; № 4. – С. 185 – 236.
21. Пушкин А. С. Полное собр. соч. В 19-ти т. – М., 1994. – Т. 10.
22. Семенов В. Библиотека иностранных писателей о России. – Отд. I. – Т. I. – СПб., 1836.
23. Указатель вновь выходящих книг // ЖМНП. – 1837. – Т. 13. – № 2. – С. 1 – 12.
24. Устрялов Н. Сказания современников о Дмитрие Самозванце. В V ч. – СПб., 1831-1834.
25. Штриттер И. Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов. В 4-х ч. – СПб., 1770-1775.
26. Языков Д. И. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XVI и XV ст. – СПб, 1825.

Петінова О.Б.

ФІЛОСОФІЯ ОСВІТИ: "ЗА" І "ПРОТИ"

Проблеми розвитку інтелектуального потенціалу сучасного суспільства знайшли своє відображення в основній темі XX Всесвітнього філософського конгресу "Пайдея: Філософія у вихованні людства". Питання виховання, навчання, освіти набувають глобального і локального характеру та потребують невідкладного вирішення. Сучасна система вищої освіти України є однією з найголовніших базових цінностей державності, суспільної свідомості та національної безпеки. Філософія освіти відіграє важливу роль у виявленні взаємозв'язків різних наук, зокрема, педагогіки, з філософією, а також у встановленні їх внутрішніх закономірностей. Вища школа України виступає не лише як інститут виховання, формування особливих громадських рис інтелігенції, а й одним з найважливіших соціальних інститутів соціалізації молодого покоління, адаптації до існуючих порядків, стилю життя, інтериоризації цінностей та норм суспільства.

До питань філософії освіти звертаються дослідники в різних галузях науки. Зокрема, В.Андрущенко, В.Зубко, В.Ніколаєв, В.Шеховцов, А.Кохановський, В.Козаков, К.Левківський, К.Корсак, О.Панич, С.Ярема, Л.Церих та ряд інших займаються дослідженням методологічних проблем вищої школи [2, 3, 4].

В.І.Куденко, О.А.Кириченко, В.В.Нежинцев, В.П.Погребняк, А.Д.Ятченко аналізують фахову освіту в Україні та її трансформацію в умовах переходу до ринкових відносин [8].

Значним внеском в розробку фундаментальних проблем філософії освіти є ряд праць М.С.Коноха [6,7], зокрема, його монографія "Формування нової філософії освіти в Україні" [6]. Ця праця присвячена соціально-філософському аналізу формування нової філософії освіти в Україні. Обґрунтовується соціальна необхідність цієї науки, розкривається світоглядно-соціальне значення філософії права у вищій школі та фактори і механізми соціалізації особи у системі освіти.

Однак, в сучасних умовах існують протиріччя між представниками різних наукових шкіл, головною причиною суперечок виступає питання стосовно "права на існування" такої галузі філософії як філософія освіти. Тому *мета даної статті* – висловити власну точку зору стосовно виокремленої проблеми і навести міркування та зауваження, які будуть спрямовані на краще висвітлення цього складного, однак дуже